

СТАТУС ПИСАТЕЛЯ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР: КАЗУС АЛЕКСИСА РАННИТА

ПАВЕЛ ЛАВРИНЕЦ

В обсуждении проблематики диалога культур представляет интерес феномен литературной карьеры, обусловленной самим этим диалогом. Ярким примером такого феномена является творческая биография эстонского поэта, критика, художника и искусствоведа Алексиса Раннита, состоявшаяся в сложном взаимодействии литовского, русского и эстонского литературных полей. Раннит (собственно Алексей Константинович Долгошев; 1914–1985), автор нескольких книг стихотворений на эстонском языке и ряда искусствоведческих работ, участник международных конгрессов по эстетике, профессор Йельского университета и куратор славянских и восточноевропейских коллекций библиотеки Йельского университета [Столочевич: 174–176], как известно, начинал писать на эстонском и русском языках. Первое его стихотворение на эстонском было опубликовано в сентябре 1931 г.; в русской печати Эстонии в 1931–1932 гг. появилось восемь его стихотворений [Акк: 210–211], после чего Долгошев полностью перешел на эстонский язык. Такой переход был обусловлен не только большей перспективностью в Эстонии эстонской литературной деятельности, но и скандалом: начинающий поэт был уличен в плагиате. Одно из опубликованных в журнале «Панорама» стихотворений оказалось переписанным из довоенной «Нивы»; редактировавший журнал В. Е. Гущик ограничился тем, что взял с молодого поэта слово «не повторять данного казуса». Затем в стихотворении Долгошева «Ленинград» в газете «Таллинский русский голос» было узнано стихотворение З. Н. Гиппиус «Петербург» без трех опущенных четверостиший и с переменами в нескольких строках [Там же: 208–212; Пономарева: 207–209]. Действительному автору были прине-

сены извинения [Шульц], а замеченный в литературных кражах Долгошев был отлучен от русской печати.

К этому времени Долгошев познакомился с Игорем Северяниным [Лысяя: 102–103] и предпринимал усилия к тому, чтобы свое участие в русской зарубежной литературе расширить за пределы Эстонии. Для этого, в частности, несколько стихотворений было послано Мережковскому. Автор в письме, датированном 4 ноября 1932 г. (за неделю до злополучной публикации в таллинской газете), благодарил за «тихую ласку» и «сердечный дар», отметил «проблески истинного чувства» в стихах и «близкие к настоящей поэзии» места. Мережковский обещал передать стихи в «Возрождение», впрочем, без уверенности, что они будут напечатаны, так как «редакция завалена всегда стихами неизвестных авторов и не умеет в них разбираться». В конце следовала приписка о том, что Гиппиус благодарит за посвящение ей стихов «Фиалки» [Мережковский].

Закрытая дорога в русскую печать оставляла Долгошеву карьеру эстонского поэта. Но у восемнадцатилетнего человека с русской фамилией и из русской или, как сообщалось в современной печати, смешанной русско-эстонской семьи, вряд ли было много шансов занять заметное место в эстонской литературной среде. Помогли литовцы: в сентябре 1935 г. в торжествах по поводу 400-летия эстонской книги в Таллине и Тарту участвовали руководители Общества литовских писателей поэт Л. Гира и прозаик В. Миколайтис-Путинас. Круг общения влиятельных литовских литературных деятелей составили Х. Виснапуу и Ю. Яйк, в июле 1935 г. побывавшие в Каунасе, Э. Хубель (Метсанурк), Ф. Туглас и А. Кивикас [Шкляр; Mokolaitis-Putinas; Masionienė: 89–90]. С Гирой познакомились также Долгошев и поэт Аго Ёйгер, его ближайший приятель по Содружеству писателей при Общереспубликанском эстонском молодежном объединении (*Ülemaalise Eesti Noorsoo Ühenduse Keskjuhatus*); Долгошев напечатал несколько заметок

о встрече с Гирой и беседе с ним [Eesti Noorus: 226–227]¹. Гира был озабочен недостаточным знакомством балтийских народов друг с другом, ратовал за культурное сближение балтийских стран и всестороннее сотрудничество между ними, а Йыгер и Долгошев взялись устроить в Таллине эстонско-литовский вечер литературной молодежи.

Организацией вечера практически занимался Долгошев, как явствует из его писем Гире (свыше ста писем и открыток 1935–1937 гг. в Литовской Национальной библиотеке им. М. Мажвидаса, несколько десятков 1937–1941 гг. в Институте литовской литературы и фольклора). Предполагалось, что литовские поэты будут читать стихи по-литовски, чтение предварит эстонский перевод. Для этого Раннит просил послать эстонский или русский перевод стихов. Переводы стихотворений для вечера готовили Яйк и Долгошев; по словам последнего, перевод стихотворения Але Сидабрайте (литературный псевдоним драматической актрисы Эляны Жалинкявичайте, по второму мужу Петраускаене, жены известного оперного певца К. Петраускаса) «просмотрела наша самая известная поэтесса Марие Ундер» [Раннит 1935: 6]. Помощь в переводе оказывала сотрудница литовского посольства в Таллине Э. Жикорите (в замужестве Янкувене). Источником некоторых переводов служили русские переводы литовских поэтов каунасского поэта и журналиста Е. Л. Шкляра [Лавринец 2008: 302–303].

Литовско-эстонский литературный вечер прошел в концертном зале «Эстония» в Таллине 14 декабря 1935 г. (не в 1934 г., как с ошибкой памяти вспоминал его участник поэт В. Сириос-Гира, сын Гиры [Петрицкий: 33]). Литовскую литературную молодежь представляли прозаик В. Алантас (редактор влиятельной газеты «Летувос айдас»), поэт и прозаик А. Мишкинис (сотрудник многих литературных и культурных изданий, с 1936 г. заведующий литературными передачами каунасского радио), поэтесса и переводчица А. Сидабрайте,

---

¹ Приношу глубокую благодарность Г. М. Пономаревой и Т. К. Шор, любезно сообщившим сведения о публикациях А. Долгошева-Раннита в эстонской периодической печати.

поэт В. Сириос-Гира. Вечер был отмечен в эстонской и литовской печати; благодаря ему завязались знакомства Долгошева в литовской литературной и театральной среде. Тогда же он сменил фамилию и стал подписываться *Aleksej Dolgošev-Rannit*, затем *Aleksej Rannit*, позднее видоизменив имя в *Aleksis*.

17 февраля 1936 г. в Каунасе состоялся ответный эстонско-литовский литературный вечер (Общество литовских писателей пригласило Раннита, Йыгера, Б. Альвер и не приехавшего из-за болезни А. Моора); вечер был частью большого литературного праздника, приуроченного к годовщине провозглашения независимости Литвы 16 февраля. Первую часть праздника в Государственном театре с участием президента, премьер-министра, посла Эстонии, руководителей издательств, виднейших писателей, составила церемония вручения литературных премий. Стихи на эстонском языке читали авторы; на литовском новеллы Моора, стихи Альвер и Йыгера исполнили актеры Х. Качинскас, А. Сидабрайте и Ю. Сипарис, а Раннита — поэт, прозаик и драматург К. Инчюра, работавший диктором на каунасском радио. Раннит особенно отличился, прочитав на литовском языке свое стихотворение «Одной молодой литовке» («Одной литвинке»), в котором затронут чувствительный для литовской общественности вопрос о принадлежности Вильнюса. Выступление на литовском, литовская тема, сочувствие литовцам в тоске по утраченной столице показали в поэте искреннего друга Литвы [Vykintas], он «приятно поразил и буквально обворожил зрительный зал» [Бичюнас]. В связи с вечером справки о жизни и творчестве его эстонских участников появились в литовской печати [Jaunoji estų; Estų literatūros] и в широко читаемой в балтийских странах рижской газете «Сегодня» [Эстонские писатели]. Впечатлениями о вечере Раннит поделился в заметках, опубликованных в “Päevaleht” [Rannit 1936a] и “Eesti Noorus” [Rannit 1936b]; Йыгер написал в “Uus Eesti”. В литовской печати появились переводы стихотворений Раннита «Одной молодой литовке» [Rannit 1936d] и «Песнь Литве» [Masionienė: 85–86].

В февральские дни 1936 г. расширились контакты Раннита в литовском литературном сообществе: его альбом автографов

пополнился записями поэта К. Бинкиса, вступительным словом которого открывался эстонско-литовский вечер, писательницы Е. Симонайтите, которой на празднике была вручена премия, и других литовских писателей. Позднее в альбоме (хранится в Институте литовской литературы и фольклора) появились автографы поэтов Й. Коссу-Александровичюса (Айтиса), С. Нерис, писательницы и вдовы Чюрлениса С. Кимантайте-Чюрленене. Знакомства Раннита в литовской литературной среде укрепились летом 1936 г., когда он и Йыгер в качестве гостей Общества литовских писателей стараниями вице-председателя Гиры провели несколько недель в приморском доме отдыха Союза журналистов Литвы в Гируляй, о чем Раннит по меньшей мере дважды писал в “Kunst ja Kirjandus”, литературном приложении к газете “Päevaleht”. В целом за 1935–1937 гг. Раннит в эстонской печати опубликовал переводы, первоначально связанные с подготовкой вечера в Таллине, одиннадцати стихотворений Гиры, Сидабрайте, Мишкиниса, Инчюры, Сириос-Гиры, П. Вайчюнаса, С. Сантвараса и перевод стихотворения Шкляра «Людас Гира». Впечатление обилия переводов создавали повторные публикации некоторых из них в различных изданиях. Помимо того, Раннит в эти годы напечатал не менее семи своих стихотворений на литовские темы, ряд заметок и статей о Литве, литовских поэтах и литовской литературе. Об этих публикациях сообщалось в литовской периодике.

Одна из них стала причиной очередного скандала: критик и публицист Бернارد Линде в статье Раннита о женщине в литовской литературе, опубликованной в женском иллюстрированном журнале [Rannit 1936c], обнаружил часть принадлежащего ему текста из книги о Литве “Leedu” (1935), и в августе 1936 г. заявил об этом в газете “Uus Eesti”. Линде направил письмо Обществу литовских писателей с просьбой огласить его в литовской печати, напомнив об уличении Раннита в плагиате четыре года тому назад. Общество под влиянием Гиры стало на защиту Раннита, сочтя давний плагиат извинительной ошибкой молодости, и отвергла обвинения Линде, отметив компилятивный характер его собственной статьи; соответст-

вующее письмо было отправлено в “Päevaleht”. Скандал нашел отражение в эстонских газетах “Vaba Maa”, «Сегодня» и литовском журнале «Литература», где статья Вышгородского (Шульца) из «Сегодня», напомнившая историю со стихотворением Гиппиус, пересказывалась с язвительными комментариями «джентльменской» позиции руководства Общества литовских писателей, посчитавшего литературную кражу Раннита извинительной, а выступление Линде — неэтичным [Džentelmenai]. Каунасский корреспондент «Сегодня» цитировал слова «горячего сторонника Раннита» Гиры, полагавшего, что у «бесспорно талантливого» Раннита есть «все данные выработаться в крупного поэта» и не следует ему мешать напоминаниями о простительных «грехах молодости», тем более в той грубой форме, в какой это делал Линде. Тут же со слов Шкляра сообщалось, будто Раннит, «в бытность его еще Алексеем Долгошевым», кое-что «заимствовал» и из его стихов [Оречкин]. Этому обвинению Раннит удивлялся в письме Гире: на русском языке он стихов не писал уже три года, а имя Шкляра стало ему известным только осенью 1935 г. [Лавринец: 304]. Гира в большой статье о Ранните как «глашатае имени Литвы в Эстонии» в газете литовских писателей «Литературос науенос» обосновал снисходительное отношение к проступкам Раннита, перечислил его публикации переводов литовской поэзии и статей о литовской литературе и другие заслуги перед литовской культурой [Gira]. В итоге скандал не только не повредил Ранниту, но, придав ему еще большую известность, теснее связал его имя с Литвой.

Неудивительно, что первый сборник Раннита “Akna raamistuses” был выпущен каунасским издательством «Сакалас» (отпечатан в Таллине в начале 1937 г.). В книгу вошло пять стихотворений на литовские темы и по одному переводу восьми литовских поэтов (П. Вайчюнас, Й. Коссу-Александревичюс, А. Мишкинис, В. Сириос-Гира, С. Сантварас, К. Инчюра, А. Сидабрайте и оказавшийся среди литовцев Е. Шкляр), образовавших особый отдел. В начале книги три страницы заняли краткие отзывы о творчестве Раннита из периодики и писем к автору; среди них, наряду с оценками эстонских поэтов

Х. Адамсона, А. Адсона, А. Алле, Ю. Оэнго, Й. Семпера, Ю. Синимяэ, Х. Тальвика, приводились мнения С. Викинтаса и Л. Гиры. Книга рекламировалась в литовской печати; большую рецензию без подписи напечатала газета «Литературос науенос» под редакцией Гиры. В рецензии книга названа крупнейшей после книг Бальмонта «Северное сияние» и Шкляра «Летува золотое имя», данью мировой поэзии Литве, поэтому она должна украсить библиотеки литовских интеллигентов [Lietuvių žinotina]. Некоторое время спустя газета поместила литовский перевод хвалебной рецензии Х. Менгеля из альманаха «Naritalane» (постоянным сотрудником которого был Раннит) [Dar arie]. Имела ли книга успех в Эстонии, еще предстоит выяснить; в Литве она вряд ли нашла многих читателей — на эстонском языке, как бы там ни было, в Литве и прежде, и сейчас читают меньше, чем на русском.

Обзором эстонской литературной жизни [Rannit 1937a] и статьей к 50-летию Игоря Северянина как певца Эстонии и переводчика эстонской поэзии [Rannit 1937b] в «Литературос науенос» началось участие Раннита в литовской печати (статьи, как и письма Гире, писались на русском языке). Судя по письмам Гире и публикациям в газете, Раннит пересылал для нее материалы других эстонских писателей и их фотографии. Снабжая «Литературос науенос» информацией о событиях эстонской литературной жизни, он сообщал и о собственных успехах, что находило отражение на страницах газеты. В конце года Раннит, художник Борис Линде и композитор Хенрик Фейшнер были приглашены «Литературос науенос» в Каунас на ежегодную художественную выставку и провели во «временной столице» несколько дней, посещая музеи, выставки, театр. Затем Раннит участвовал в литературном празднике в Мариямполье вместе с Гирой и другими литовскими поэтами и прозаиками (Н. Мазалайте, С. Викинтас, Л. Куодис, К. Дульке, К. Жиргулис). Заметки Раннита о поездках в Литву продолжали печататься в эстонской периодике и пересказываться в литовских изданиях. Таким образом, в течение трех лет сложилась прочная репутация Раннита как певца Литвы, переводчика литовской поэзии и популяризатора литовской литературы. Бла-

годаря этому он был ценим в Литве, одновременно выступая в качестве представителя эстонской литературы на страницах литовской печати и различных литературных мероприятиях.

В заметках о Ранните в эстонской и литовской печати середины 1930-х гг., несомненно авторизованных, обнаруживаются характерные претензии на место в литературе. Например, местом рождения назывался не провинциальный причудский поселок Калласте, а Петербург — крупный русский литературный центр и, вместе с тем, значительное средоточие эстонцев и литовцев, очаг эстонской и литовской культурной жизни конца XIX — начала XX вв. Своеобразной родословной легитимацией в эстонской поэзии выступали упоминания о том, что Долгошев по материнской линии — прямой потомок Ф. Р. Крейцвальда. Претензии на выражение сложных переживаний современной души и демонстрируемая в стихах эрудированность (начиная с латинских названий стихотворений “De amore”, “Ex libro amoris”, французского эпитафия из Верлена, упоминания Бодлера и Гюго, Грига и Листа и т.п.) находили обоснование в сведениях о гимназическом и университетском образовании², впрочем, противоречивых и, как оказалось, недостоверных [Лысяя: 101–102]. В заметках эстонской периодики в качестве показателя литературной состоятельности Раннита использовались упоминания о публикациях в «Числах» (Париж), «Рубеже» (Харбин), «Рассвете» (Чикаго), с симптоматичным умалчиванием о русской печати Эстонии; в литовской печати назывались «Возрождение» (Париж), «Рубеж» (Харбин), «Рассвет» (Чикаго), «Звено» (Львов), «Панорама» (Таллин). Такие перечни изданий зарубежной русской периодики должны были подтверждать высокое качество литературной продукции и говорить о международном призна-

---

² Довоенные мистификации, согласно которым Раннит якобы получил диплом историка, окончив Тартуский университет, где изучал археологию и русскую литературу, и учился также сначала в каунасском Университете Витаутаса Великого, потом в Вильнюсском университете, продолжают циркулировать в современных публикациях [Петрицкий: 33; Masionienė: 87; Mažrimienė: 72].

нии. Очевидно, без специальных усилий рядовому эстонскому или литовскому читателю удостовериться в реальности публикаций Раннита в этих изданиях не представлялось возможным.

Уникальную позицию Раннита на пересечении эстонской и литовской литератур закрепил русская версия его первого сборника, вышедшая осенью 1938 г. в переводе и с предисловием Игоря Северянина. Статус Северянина имел для удостоверения качества стихов и утверждения ранга автора значение большее, чем гипотетически возможный собственный перевод либо переводы младших по возрасту и литературному поколению Ю. Д. Шумакова или таких билингв, как В. Адамс, Ю. Иваск, Б. Тагго-Новосадов. Привлечение в качестве переводчика и автора предисловия поэта с уже сложившейся репутацией в русской и эстонской литературных средах говорит об ориентации на литературную иерархию (и русскую, и эстонскую). В этом отношении также симптоматична ссылка в предисловии на письма Мережковского, Рериха и Бальмонта с положительными отзывами о стихах Раннита. Его переписка с К. Д. Бальмонтом и Н. К. Рерихом завязалась в 1937 г. Эта переписка, статьи Раннита о Бальмонте и Рерихе в эстонской печати, о Северянине в эстонской и литовской периодике являются индикатором ориентации на определенный тип творческой деятельности, санкционирующий его собственную практику. В посвященном Рериху стихотворении «Исповедь» Раннит провозглашал свою родственность одновременно России и Эстонии («я брат народов двух в их разной доле» [Раннит 1938: 25]). Рерих проявлял внимание и интерес, помимо прочего, к Чюрленису, Литве и литовской культуре; для поэта, вероятно, большее значение имели образцы Мицкевича и Бальмонта, «в две лиры» поющие Литву [Там же: 30]. В предисловии Северянина отмечалось, что «Литва тепло и чутко относится к эстонскому поэту, тем более, что в его стихах часты литовские мотивы», и утверждалось, что Раннит «любит одновременно Эстонию, Литву и Россию» [Северянин 1938: 8]. Любовь к Литве удостоверяли посвящение «Бессмертному Свету Души Поэта и Человека Людаса Гиры» и «литовским друзьям», пять стихотворений на литовские темы в особом

разделе, посвящение стихотворения «Арлекин» А. Римидису, эпиграфы из Бальмонта и Лермонтова с упоминаниями Литвы. Сириос-Гира в рецензии отметил, что Раннита знают многие литовские литераторы, так как он — сердечный друг Литвы и единственный эстонский поэт, популяризирующий в Эстонии литовскую литературу [Sirijos Gira 1939].

Раннит разослал книгу зарубежным русским писателям, поэтам, критикам, журналистам и получил в первые месяцы 1939 г. письма Г. В. Адамовича, И. А. Бунина, В. Ф. Булгакова, Сергея Горного, Б. К. Зайцева, И. Е. Орешина, А. В. Руманова, В. А. Смоленского с благодарностями и отзывами о его поэзии (хранятся в Институте литовской литературы и фольклора). В письме Гире 8 ноября 1938 г. Раннит обсуждал возможности издания литовской антологии или сборника стихов на литовские темы. Вероятно, реализацией этого замысла явилась его книга “Via dolorosa” в переводе и с предисловием Игоря Северянина. В конце ее указано, что в оригинале сборник должен был называться “Kui suudad” и включать переводы четырнадцати литовских поэтов; набор авторов вполне репрезентативен для современной литовской поэзии: К. Бинкис, К. Борута, Б. Браздженис, П. Вайчюнас, Л. Гира, Й. Грайчюнас, Ю. Жлабис-Жянге, К. Инчюра, Й. Коссу-Александровичюс, А. Мишкинис, С. Нерис, А. Римидис, В. Сириос-Гира. Такая книга на эстонском языке не была издана. Около трети объема “Via dolorosa” с репродукциями Чюрлениса составили десять стихотворений на литовские темы (из двадцати пяти). В предисловии использованы отзывы из писем русских писателей Ранниту. Северянин в обсуждении литовской темы в стихах эстонского поэта сопоставлял его с Пушкиным и Лермонтовым (которые «воспели Кавказ»), Кузминым (воспевшим Александрию), Гумилевым (воспевшим Абиссинию), Северяниным (воспевшим Эстонию). В качестве певца Литвы Раннит ставился в один ряд с Мицкевичем, Казимирой Иллакович, Бальмонтом, по литовским источникам поэзии — с Балтрушайтисом, Гете, Демелем, Шамиссо [Северянин 1940: 12]. Литовские рецензенты (лично знакомые с Раннитом поэты, стихи которых он переводил) оценили “Via dolorosa” как кни-

гу эстонца, посвященную Литве, а ее автора назвали крупнейшим пропагандистом Литвы в Эстонии, при этом цитируя мнение Северянина о литовской теме в его творчестве [Sirijos Gira 1940; Santvaras 1940].

Популяризация литовской литературы на эстонском и русском (благодаря переводам Северянина) языках, участие в литовской печати и литературной жизни стали основанием для того, чтобы пригласить Раннита в декабре 1938 г. в члены-сотрудники Общества литовских писателей. Летом 1939 г. он участвовал в мероприятиях большой экскурсии польских писателей в Литву, организованной Обществом литовских писателей. О литовских впечатлениях Раннит, как и раньше, писал в эстонской печати, а эстонские публикации пересказывались в литовской периодике: например, в заметке иллюстрированного еженедельника «Науейи Ромува» отмечались преисполненные любовью к литовцам статьи «большого друга Литвы» в “Räevaleht” о поездке в эту страну, с теплыми словами о Гире, Нерис, Коссу-Александровичусе. Помимо того, в литовских газетах и журналах печатались статьи Раннита о современной эстонской поэзии, Виснапуу, Ундер, Игоре Северянине. В октябре 1939 г. Раннит отправил Обществу литовских писателей телеграмму с поздравлениями по поводу передачи СССР Вильнюса Литве. Он и художник Линде вместе с литовскими и зарубежными журналистами сопровождали Литовскую армию при вступлении в возвращенную столицу, чтобы подготовить об этом репортаж для “Räevaleht”. Осенью 1939 г. на собрании Общества литовских писателей в Вильнюсе Раннит был избран членом-сотрудником.

В октябре 1940 г. Раннит перебрался в Каунас и женился на солистке оперного театра Гражине Матулайтите. Он был знаком с нею уже в 1939 г., о чем свидетельствует хранящийся в Библиотеке Академии наук Литвы экземпляр «В оконном переплете» с дарственной надписью на литовском языке рукою Раннита, с подписями его и Игоря Северянина. Матулайтите была старше мужа на четырнадцать лет; ее отец В. Матулайтис, крупный государственный деятель и финансист, занимал важный пост государственного контролера, старшая сест-

ра была замужем за государственным деятелем и дипломатом С. Лозорайтисом (министр иностранных дел в 1934–1938 гг.). Родственные связи и знакомства такой семьи помогали в новой обстановке. Он устроился переводчиком в Государственном театре, переводил пьесы литовских драматургов для постановок на эстонской сцене [Santvaras 1961: 494]. В 1941–1944 гг. Раннит работал в Центральной библиотеке и продолжал участвовать в литовской и эстонской печати, несмотря на смены режимов. В период советизации, в которой активную роль играли Гира, Нерис и другие знакомые Ранниту литовские писатели, он печатал на литовском языке советские по духу статьи об эстонской литературе, Й. Варесе, эстонских писателях — депутатах Верховного Совета СССР, на эстонском — о Нерис как авторе «Поэмы о Сталине» (и переводил саму поэму [Aleksa: 469, 490]). При немецкой оккупации газета “Ateitis” поместила статью Раннита о Балтрушайтисе как философе литовской природы (что подтверждалось цитатой из Бальмонта), сопоставивом с Чюрленисом.

С приближением фронта Раннит в 1944 г. выехал в Германию, откуда перебрался в США; работал в Йельском университете (в 1960-х гг. он расстался с Матулайтите; его женой стала Татьяна Войтишкова-Раннит). В эмиграции он продолжал печатать переводы литовской поэзии и статьи о литовской культуре, участвовал, вместе с литовскими поэтами-эмигрантами, в вечерах балтийской поэзии, вместе с тем поддерживая знакомства с русскими эмигрантами. На склоне лет Раннит объяснял свой интерес к Литве увлеченностью Чюрленисом и барочностью, налетом мистицизма, наивностью и лиризмом, отличающими литовскую культуру от эпичности эстонской, протестански сдержанной и холодной [Venclova: 9].

Однако специфическая литературная траектория Раннита определялась не столько личными предпочтениями, сколько объективными факторами. Особая позиция Раннита в эстонской литературе формировалась благодаря литовской теме и переводам литовской поэзии, что явилось наиболее ярким и существенным его отличием от других эстонских поэтов. Возможность такой позиции подкреплялась авторитетом русских

и других европейских поэтов, обращавшихся к литовской теме и переводам литовской поэзии. Переводы на русский язык и использование отзывов русских писателей способствовали успеху литературной стратегии Раннита. Успешность позиции певца и друга Литвы обуславливалась потребностью литовской литературы во внешнем санкционировании посредством отзывов и переводов, удостоверяющих ее высокое качество. Взаимодействие этих факторов определило место Раннита в пересечении эстонской и литовской литератур, напоминающее *mutatis mutandis* ситуацию Бальмонта в конце 1920-х и первой половине 1930-х годов, отчасти Игоря Северянина, но еще более — позицию Шкляра.

ЛИТЕРАТУРА

- Акс: *Акс Л.* «Литературный путь» А. Долгошева-Раннита / Публ. и коммент. Г. Пономаревой // Труды русского исследовательского центра в Эстонии. Таллин, 2003. Вып. 2. С. 208–212.
- Бальмонт: *Бальмонт К.* Письма А. Ранниту / Публ. Ж. Шерона // Новое литературное обозрение. 1995. № 11. С. 161–164.
- Бичюнас: *Бичюнас В.* Эстонские дни в Литве // Сегодня. 1936. № 59. 29 февр. С. 8.
- Лавринец: *Лавринец П.* Евгений Шкляр: жизненный путь скитальца. Вильнюс, 2008.
- Лысая: *Лысая Е.* Игорь Северянин и Алексис Раннит: творческие и биографические контакты (1930-е – начало 1940-х гг.) // Русская филология 17. Тарту, 2006. С. 101–107.
- Мережковский: *Мережковский Д. С.* Письмо А. Ранниту 4.11.1932 // Lietuvos literatūros ir tautosakos instituto Rankraščių skyrius. F. 38–15.
- Петрицкий: *Петрицкий В.* Судьба поэта // Радуга. 1991. № 1. С. 32–40.
- Пономарева: *Пономарева Г.* К рецепции творчества З. Н. Гиппиус в Эстонии (1920–1930-е гг.) // Блоковский сборник. XV: Русский символизм в литературном контексте рубежа XIX–XX вв. Тарту, 2000. С. 205–209.
- Раннит 1935: *Раннит А.* Письма Л. Гире 1935 г. // Lietuvos Nacionalinės Martyno Mažvydo bibliotekos Retų knygų ir rankraščių skyrius. F. 7–692.
- Раннит 1938: *Раннит А.* В оконном переплете / Пер. с эст. Игоря Северянина. Tallinn, 1938.

- Северянин 1938: *Северянин И.* Предисловие // Раннит А. В оконном переплете / Пер. с эст. Игоря Северянина. Tallinn, 1938. С. 5–6.
- Северянин 1940: *Северянин И.* Лирика Алексиса Раннита // Rannit, A. *Via dolorosa* / Авторизованный пер. с эст. И. Северянина. Stockholm, 1940. С. 7–15.
- Столлович: *Столлович Л.* Стихи и жизнь: Опыт поэтической биографии. Таллинн, 2003.
- Шкляр: *Шкляр Е.* С литовскими писателями на эстонских торжествах (Письмо из Таллинна) // Литовский голос. 1935. № 208. 18 сент. С. 2.
- Шульц: *Вьшгородский А.* <Шульц А. Э.> О литературном скандале, примирении в еврейских кругах, об урожае и смертности, превышающей рождаемость (От таллиннского корреспондента «Сегодня» // Сегодня. 1936. № 242. 2 сент. С. 3.
- Эстонские писатели: Эстонские писатели сегодня выступают в Каунасе // Сегодня. 1936. № 48. 18 февр. С. 3.
- Alekna: *Alekna, V.* Salomėjos Nėries gyvenimo ir kronikos metraštis. Kn. 2. Vilnius, 1997.
- Dar apie: Dar apie “Akna raamistustes” // Literatūros naujienos. 1937. Nr. 7 (62). P. 15.
- Džentelmenai: “Džentelmenai” iš Liet. rašytojų dr-jos ir mažas skandalukas // Literatūra. 1936. Nr. 2. P. 22–23.
- Eesti Noorus: Eesti Noorus. 1935. Nr 9.
- Estų literatūros: Estų literatūros vakaro belaukiant // Lietuvos aidas. 1936. Nr. 75 (2691), vasario 15. P. 6.
- Gira: *Gira, L.* Entuziastingas Lietuvos vardo skelbėjas Estuose — A. Rannitas // Literatūros naujienos. 1937. Nr. 4–5 (59–60). P. 4.
- Jaunoji estų: Jaunoji estų literatūra Kaunan. Estų lietuvių literatūros vakaro Valstybės teatre dalyviai // Literatūros naujienos. 1936. Nr. 3 (41), vasario 1. P. 3.
- Lietuvių žinotina: Lietuvių žinotina estų knyga (Aleksėj Rannit. Akna raamistustes. Esimesi vārse. Kirjastus “Sakalas”. Kaunas. 1937. Spausdinta Taline, Estodrūkk. 87 psl.) 1937 // Literatūros naujienos. 1937. Nr. 6 (61). P. 13.
- Masionienė: *Masionienė, B.* Du estų rašytojai — Lietuvos bičiuliai // Pergalė. 1990. Nr. 12. P. 85–91.
- Mažrimienė: *Mažrimienė, V.* “Incipit Rannit”: tarp genijaus demono, poezijos ir Čiurlionio... // Naujoji Romuva. 2004. Nr. 3 (548). P. 72–76.
- Mykolaitis-Putinas: *Mykolaitis-Putinas, V.* Estų kultūros šventė // Literatūros naujienos. 1935. Nr. 16 (32), rugsėjo 15. P. 1.

- Rannit 1936a: *Rannit, A.* Muljeid Leedu-Eesti kirjandusõhtust Kaunases // Päevaleht. 1936. Nr 53. 23.02. Lk 6.
- Rannit 1936b: *Rannit, A.* Muljeid kirjandusõhtust Kaunases // Eesti Noorus. 1936. Nr 3. Lk 82–84.
- Rannit 1936c: *Rannit, A.* Naised leedu kirjanduses // Maret. 1936. Nr 7. Lk 200.
- Rannit 1936d: *Rannit, A.* Vienai lietuvaitei / Vertē L. Gira // Židinys. 1936. Nr. 1 (133). P. 145.
- Rannit 1937a: *Rannit, A.* Nauja literatūriniamē estų gyvenime // Literatūros naujienos. 1937. Nr. 4–5 (59–60). P. 15.
- Rannit 1937b: *Rannit, A.* Igoris Severianinas — Estijos dainius ir estų poezijos vertėjas (Jo gimimo 50-ties metų proga) // Literatūros naujienos. 1937. Nr. 7 (62): 11.
- Santvaras 1940: *Santvaras, S.* Dainos apie Lietuvą (Aleksis Rannit: Via dolorosa) // XX amžius. 1940. Nr. 24 (1025), sausio 30. P. 8.
- Santvaras 1961: *St. S.* <*Santvaras, S.*>. Rannit Aleksis // Lietuvių enciklopedija. T. 24: Prezidentas Smetona — Raudondvario Padangėj. Boston, 1961. P. 494–495.
- Sirijos Gira 1939: *Sirijos Gira, V.* Aleksis Rannit, V okonom perepletie. Iš estų į rusų kalbą vertė J. Severianin. Tallinn. 64 psl. // Dienovidis. 1939. Nr. 2 (12). P. 28–30.
- Sirijos Gira 1940: *Sirijos Gira, V.* Esto knyga, skirta Lietuvai // Lietuvos aidas. 1940. Nr. 9 (5218), sausio 6. P. 4.
- Venclova: *Venclova, T.* Apie Čiurlionį, poeziją ir nepriklausomybę // Aki-račiai. 1981. Nr. 8 (132), rugsėjis. P. 8–10.
- Vykintas: *Vykintas, S.* Įspūdinga dviejų literatūrų ir meno švenčių // Lietuvos aidas. 1936. Nr. 79 (2695), vasario 18. P. 8.